
ЭКОНОМИКЕ НЕЛЬЗЯ БЕЗ ИДЕАЛОВ¹

— Анатолий Михайлович, многие ученые полагают, что корни сегодняшних российских бед следует искать прежде всего в ошибочных экономических решениях последних лет — неправильно проведенной приватизации, чрезмерном сжатии денежной массы и так далее. Разделяете ли Вы подобную точку зрения?

— Давайте сразу уйдем от подобной постановки вопроса. Я не экономист, и мне не хотелось бы вдаваться в чисто экономические проблемы. По своему опыту знаю одно: у нас многие люди вообще склонны преувеличивать роль экономических факторов. Простой человек часто рассуждает примерно так: была бы побольше зарплата да поменьше бедности, вот и дела бы шли мирком да ладком. А обладатели диплома, иногда даже нескольких, когда-то так усердно выучили все, что им сообщали про «базис» и «надстройку», что до сих пор не могут принять возможность иного взгляда на вещи.

А ведь подобный «экономический детерминизм» вступает в противоречие с фактами даже на бытовом уровне. Сколько конфликтов в коллективах возникало и возникает из-за дележа самых мизерных премий! Люди становились врагами не из алчности, им важна была не лишняя десятка, а «справедливость», признание личных достоинств. Роль экономики в развитии этноса вообще вторична. В дезорганизованном, разрушающемся этносе в принципе не может быть процветающей экономики.

— Термин «этнос» многозначен. Как трактуете его Вы?

— Этнос, в моем понимании, это не обязательно нация, народ, а любое объединение людей, которые сознают свою общность, то есть могут сказать о себе «мы». Этносом является и политическая партия, и футбольная команда, и мафиозная группа. Социальные психологи давно обнаружили, что каждый этнос, большой или малень-

---

¹ Статья была опубликована в журнале «Монитор». СПб, № 2–3, 1998.

кий, развивается по одним и тем же законам. Более того, чем глубже вы постигаете происходящее в этносах, тем меньше для вас остается различий между ними; вам становится очевидным, что все они развиваются аналогично. В этом, кстати говоря, заключается один из секретов успеха многих лидеров: придя к пониманию того, как возникают и разрушаются этносы, такие лидеры преуспевают в политической борьбе на любых уровнях — от производственного коллектива до страны или международной организации.

— *Не слишком ли далеко мы уходим от проблем современной России?*

— Думаю, что не слишком. Простых ответов на сложные вопросы не бывает. Чтобы понять, что сейчас происходит, надо рассмотреть вначале некоторые общие закономерности развития этносов. Ведь российское общество — такой же этнос, как и все остальные, и подчиняется общим законам их формирования и упадка. Об этих законах задумывались многие мыслители, упомянем, например, таких непохожих ученых, как наш земляк Лев Гумилев и американские исследователи целеустремленных систем Акофф и Эмери. Мне же хотелось бы поделиться своим видением данного круга вопросов.

Этнос начинается тогда, когда группа людей начинает одинаково понимать, что такое добро и зло, красота и уродство, истина и ложь. Общее понимание этих категорий объединяет людей, ориентирует их на достижение одних и тех же целей, регламентирует их деятельность, проводит разделительную черту между одним этносом и другим. Не вдаваясь в терминологические нюансы, можно сказать, что каждому этносу свойственна своя культура, поскольку одной из функций культуры является осмысление всего происходящего.

— *Можно ли утверждать, что существуют более и менее эффективные в экономическом отношении культуры? Как Вы оцениваете с этой точки зрения российскую культуру?*

— Если посмотреть на сегодняшние реалии, то ответ вроде бы напрашивается сам собой. Однако ведь были в нашей истории и индустриализация, и первый в мире полет в космос. Поэтому давайте поговорим о вещах менее очевидных.

Для российской культуры, в особенности политической, как мне кажется, издавна характерны два взаимосвязанных момента. Во-первых, отношение «верхов» к «низам» как к холопам, не имеющим никаких прав. Такое отношение не было исконно русским, оно к нам пришло из монархической Византии и постепенно вытеснило республиканские традиции, ярче всего проявлявшиеся в новгородских и псковских зем-

лях. Там ведь князя, каким бы выдающимся полководцем он ни был, всегда могли изгнать за, выражаясь сегодняшним языком, финансовые злоупотребления. Но после того как Новгород стал частью российского государства, создававшегося вокруг Москвы, республиканская политическая культура была вытеснена монархической.

Почему же такая культура могла существовать, почему «низы» столетиями готовы были мириться с подобными правилами социальной игры? Здесь мы походим ко второму важному моменту. Российская культура была не просто христианской, а восточнохристианской, православной. Она всегда отличалась от западноевропейской культуры меньшей степенью эгоцентричности и большей степенью жертвенности. «За веру» у нас могли все вытерпеть.

На категории Веры вообще следует остановиться особо, она играет ключевую роль в жизни этноса. Люди, плохо знакомые с политической психологией, часто склонны переоценивать роль логики и недооценивать роль веры в поведении людей. В действительности же логикой живут немногие. Живут верой... Я видел много людей, искренне убежденных в тех или иных политических идеалах. И вы знаете, мало кто из них пришел к этим идеалам через логические конструкции, доказательства. Большинство же просто приняло систему догм, постулатов и верило в них, как верят в то, что земля плоская или круглая.

Вера, по моему убеждению, действительно горы двигает. Любой этнос может быть создан только тогда, когда появляется вера. Вера — это субъективное восприятие истинности. Если общее представление о том, что есть Истина, становится достоянием множества людей, то сразу же появляется и эстетика, понятие о прекрасном и безобразном. Дальше выстраиваются категории этические — добро и зло. И только потом — понятие Изобилия, наиболее непосредственно связанное с экономическим поведением. Эта категория выражает представления людей о достойном их уровне жизни. Будут ли члены этноса стремиться к все большему улучшению материальных условий жизни или, подобно спартамцам, ограничиваться необходимым минимумом — это зависит от того, как сформулирована в данном этносе категория изобилия. Она же определяет, кто из членов этноса будет пользоваться большими правами, каковы будут эти права в зависимости от положения человека на иерархической лестнице.

Вернемся, однако, к Вашему вопросу об экономических возможностях российской культуры и культурных корнях нынешнего экономического кризиса. Я уже говорил, что российская культура органически включает в себя способность на жертву ради веры. Бывали периоды, когда верхам, «капитанам» удавалось эту веру внушать и успеш-

но эксплуатировать в экономических целях способность людей на жертву. Вспомним хотя бы тридцатые-сороковые, да и пятидесятые годы нашего столетия. В этот период экономические результаты, если измерять их, например, созданными основными фондами, были очень значительными. А уровень жизни народа... Так ведь это, как я уже говорил, понятие относительное.

Общество потребления, где людям постоянно внушают: если не сумел сменить в течение жизни десяток автомобилей, значит, и не жил вовсе, — оно ведь столь же исторически относительно, как и любое иное. Если человек верит, что быть богатым стыдно, то не особо переживает по поводу отсутствия каких-либо предметов потребления. Если ему внушили, что людям его круга не положено, скажем, иметь двух костюмов, то он вполне довольствуется одним, по крайней мере до тех пор, пока равный ему по положению не купит себе второго.

Общество, которое существовало у нас в тридцатые-сороковые, а отчасти и в пятидесятые годы двадцатого столетия, обладало всеми признаками сплоченного этноса — четким делением людей на «своих» и «врагов», верой в общие идеалы. Это и позволило добиться столь значительных экономических результатов. Другое дело, что и цена была заплачена страшная.

— *Что же произошло потом?*

— То, что и должно было произойти. Сохранение системы требовало все новых и новых жертв. Люди, объявленные врагами и репрессированные, их родственники, которые тоже оказывались пораженными в правах, насчитывали уже десятки миллионов человек. То есть все больше и больше людей осознанно или неосознанно ждали перемен. Среди них были и те, для кого формирование и разрушение идеалов профессия — представители интеллектуальной и художественной элиты страны. Неслучайно власть так яростно боролась с писателями, клеймила абстракционизм, складывала на полку кинофильмы. Наверху отлично понимали, что система сможет функционировать лишь до тех пор, пока достаточно людей верит в ее идеалы. Но процесс уже принял необратимый характер.

В конце восьмидесятых годов процесс осмеяния «священных коров» прежней системы очень многими воспринимался однозначно положительно. Считалось, что разрушение идолов тоталитаризма поможет России быстрее встать на путь мировой цивилизации. Если бы все было так просто...

Разрушение идеалов, прежде цементирующих российский этнос, не сопровождалось появлением новых. Точнее, тех, кто готов был поверить в «рынок», «либера-

лизм» и так далее, оказалось слишком мало, они не составляли критической массы, необходимой для того, чтобы начался процесс формирования нового российского этноса, построенного на иных, чем прежде, идеалах.

Прежняя культура, в которой ключевую роль играло понятие жертвы ради веры, себя дискредитировала и подвергалась постоянному осмеянию. Новой же системы идеалов не возникло. Сравним, к примеру, российские киноленты последних десяти лет с американскими. В американских фильмах «хорошие парни» смотрятся вполне естественно и, как им и положено, борются с плохими. В наших фильмах «хороших парней» либо нет вообще, либо они такие, что, глядя на них, хочется бросить сакраментальное: «Не верю!».

Разумеется, кое-какую экономическую деятельность могут вести и разрозненные люди, не составляющие этноса. Но такая деятельность в принципе не может быть эффективной.

Почитайте работы современных западных экономистов. В них убедительно показано, что рынок может функционировать лишь в случае, когда между его участниками существует определенный уровень доверия. А откуда берется это доверие? Опять-таки из идеалов, структурирующих этнос. Сейчас многие ознакомились с работами немецкого социолога Макса Вебера — он в свое время продемонстрировал, сколь тесно связаны этика и экономика. А если разрушена система идеалов, то и все ключевые для функционирования экономики этические системы парализованы.

Сейчас много говорят о кризисе трудовой этики. Но ведь трудовая этика — лишь производная от все тех же идеалов, формирующих этнос, — добра, справедливости, изобилия, истины. Зачем, в самом деле, работать старательно и на совесть, если все равно никто не оценит и не похвалит? А другой бич нынешней экономики — коррупция. Разве она не является следствием утраты идеалов?

А думаете, стремление регионов отгородиться от центра и друг от друга никак не связано с тем, о чем мы говорим? Связано! Ведь человек не может жить вне этноса. И если его большой этнос — Россия — перестает выполнять свои функции, он будет теснее интегрироваться в другие, меньшие по масштабу этносы, членом которых является.

Приведу пример с иной эмоциональной окраской. Мы часто жалуемся на возрастающую мафиозность экономики, усиление влияния групп и группочек, заботящихся только о своих узкокорпоративных интересах и готовых ради их достижения на все. Но вы посмотрите на это с точки зрения «маленького человека». Ведь ему нужна защита. Если такой защиты не дает государство, он ищет ее в мафиозной группе.

Мы уже семь лет пытаемся оживить экономику чисто экономическими средствами. Не получается! Если старая система идеалов разрушена, а новую большинство людей не воспринимает, то самые благие экономические начинания будут терпеть фиаско.

— *Ну что ж, давайте создадим комиссию, поставим сроки и разработаем новую идеологию! Опыт, слава богу, имеется.*

— Понимаю вашу иронию. И все же хочу подчеркнуть то, что считаю очень важным. Без идеалов истины, добра, изобилия и справедливости этноса в принципе не существует. Если так привычнее, можно называть совокупность этих идеалов идеологией. Без идеологии в этом смысле слова ни одно общество долго не протянет. Разве «американская мечта» — не идеология?

Конечно же, «национальная идеология» не создается, подобно очередной экономической программе, группой людей к положенному сроку. Это процесс совсем другого уровня сложности, он во многом сродни возникновению новых религий, его механизм и сейчас не до конца ясен. В русской истории новые идеологии возникали считанное число раз, и это всегда было потрясением: принятие христианства, создание московского монархического государства, возникновение и распад СССР. Никто ведь еще не доказал, что в действительности первично: комплекс условий, вызывающих к жизни создателей идеологии, или сами эти создатели, сумевшие дать народу новую мечту.

— *Каковы же перспективы?*

— Говоря откровенно, весьма неопределенные. Деятельность по разрушению идеалов в последние десятилетия стала одним из институтов российского общества, если хотите, профессией. В нормально функционирующем обществе базовые ценности надежно защищены, радикалы-разрушители уравниваются консервативными «охранителями», а движение вперед обеспечивается новыми, но укладывающимися в «базовый стандарт» идеями. Мы сейчас очень далеки от этой равновесной динамики. Старые ценности разрушены, а новые не созданы. Общество нуждается в позитиве, новых идеалах, которые были бы понятны и приемлемы для большинства населения. Только выработав такие идеалы, можно сдвинуть экономику с мертвой точки.